

Б. Г. Литвак

**ПРИЕМЫ ФОРМАЛИЗАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ
МАССОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ И РЕГЕСТЫ
(по материалам XIX в.)**

Внедрение математических методов в исторические исследования создает материальную основу для широкого привлечения массовой документации в качестве исторического источника. Под массовой документацией автором статьи понимаются такие документы, возникновение которых связано с повседневностью во всех ее проявлениях, с элементарной необходимостью фиксации этих проявлений, будничных сторон социальной жизни. Ординарность обстоятельств происхождения — это первый признак массовой документации. Второй — однородность, аналогичность или повторяемость содержания. Третий — однотипность формы, тяготеющая к стандартизации; наличие законодательно, а также в силу обычая сложившегося или складывающегося формуляра, т. е. определенного порядка фиксации или изложения содержания, нарушение которого может изменить данную разновидность документа. Термин «массовая документация» собирательный: он объединяет ряд разновидностей источников, каждый из которых отвечает вышеперечисленным критериям.

Этим отнюдь не неуязвимым определением отделяется данный класс источников от любого другого класса. Такая цель, как кажется, предложенном определением достигается.

Массовая документация — явление историческое, она складывается в обществе с развитыми товарно-денежными отношениями и призвана фиксировать все конкретные проявления этих отношений. Естественно, что и процесс складывания связан с определенным уровнем развития делопроизводства и юрисдикции. Так, например, переход от столбового делопроизводства к тетрадному способствовал ускорению выработки форм массовой документации. Если петровский генеральный регламент расчищал путь массовой документации, то учреждение министерств было этапным для процесса формирования разновидностей массовой документации и выработки их формуляров.

Первый министр внутренних дел В. П. Кочубей не без помощи М. М. Сперанского ставил министерское делопроизводство на основе новой иерархии в учреждении, что приближало ее к классической бюрократической системе: каждый исполнитель на определенном уровне был и распорядителем, отвечавшим за свои действия перед вышестоящей инстанцией. Таким образом, делопроизводственный документ становился продуктом конвейера, на котором каждый исполнитель мастерил свою «деталь» и отвечал за ее качество.

Это определило эволюцию документа в сторону его формализации и стандартизации, с одной стороны, и с другой — все явственней обнаруживало тенденцию к однопредметности, к сужению объема содержания. Таким образом, коренное изменение в разделении функций в управлении влекло за собой изменение в форме и содержании документа в XIX в. Здесь же скрыты причины отмирания одних видов

документации и появления других. В этом плане симптоматично требование Кочубея отсекать «неприличный, можно сказать, грубый обычай в делах службы употреблять слог партикулярных писем». Как видим, меняется сама «эстетика» делопроизводства: то, что в XVIII в. считалось верхом почтительности и «приличности» в служебной переписке, получает столь строгий приговор в начале XIX в. И в данном случае нельзя говорить о личных вкусах Кочубея: в этом, казалось бы, чисто «вкусовом» подходе отчетливо видны последовательно бюрократические правила, не позволяющие жрецам государственной службы «опускаться» до отношений «партикулярных». Кочубей объясняет юридическую необходимость своего формализма: «отсекается повод партикулярные письма принимать за предписание: обстоятельство, несколько раз встречавшееся при следствиях¹. Реализацией этого требования Кочубея явилась строгая регламентация форм переписки: он прилагает к записке, цитированной выше, ряд форм «письмоводства» и другой документации.

Предлагается точный формуляр «представления»:

МВД

1 экспедиция
Представление
о том-то
от такого-то
6 сентября
1803 № 149

«Г-ну министру внутренних дел

Изложение дела. Крестьяне такого-то уезда не поставили в свое время в магазейны хлеба. Все средства, употребленные к побуждению их, были тщетны.

Причины. Жестокость бывшей зимы, худой урожай, саранча были сему причиной.

Неудобства. С одной стороны, нарушается общее правило, с другой — дальнейшее понуждение крестьян может привести к их разорению.

Заключение. По соображению сих неудобств я нахожу нужным и на утверждение представляю: 1) на нынешний год — отсрочить; 2) на будущий год взыскать и за этот.

Губернатор Н. Н.».

Последовательно даны «формы разрешения» министра, формы «подтверждения», «ответа», «предписания, коим требуются сведения», «ответа на это предписание» и т. д. Что означала эта скрупулезность? Не сказалась ли здесь склонность Сперанского (за этим докладом министра внутренних дел стоял именно он), как язвительно о нем писал Николай Тургенев, к формализму? Внимательный анализ всех перечисленных формуляров документов свидетельствует о совершенно четкой цели — дисциплинировать делопроизводство. Так же как форма дисциплинирует чиновника (не говоря уже о военном ведомстве), так и форма «письмоводства» должна была навести порядок, содействовать общему стремлению «друзей императора» модернизировать управление.

Таковы были общие тенденции Кочубея, которые обнажаются при анализе, казалось бы, сугубо формальных приложений к докладу. Но были и чисто утилитарные интересы. В формуляре четко названы части — клаузулы документа, которые несут основную смысловую нагрузку. Они заставляют создателя документа строго придерживаться регламентации, которая требует четкого формулирования сути дела, из-за чего губернатор обращается к министру. Они далее требуют, чтобы автор документа не только излагал, но и анализировал, и третье, чтобы автор сам давал альтернативное решение вопроса. В самом факте публикации этих формуляров следует усмотреть, что министр дезавуирует существовав-

¹ Доклад министра внутренних дел о новом образовании экспедиции государственного хозяйства. СПб., 1803, прилож. III, разд. «В».

шее «письмоводство» именно из-за его многословности, расплывчатости и многопредметности.

Не обширная «мемория», а документ в натуре должен был проходить через руки ответственного лица, для чего нужно было всеми средствами сократить время его работы над документом при помощи этих заранее известных начальнику ориентиров. Такие определенные клаузулы были не только ориентирами, они также первично формализовали материал по данному предмету для сводного документа. Так, формуляр доклада министра царю содержал все те же четыре клаузулы. Ясно, что такой порядок «письмоводства» экономил трудовые затраты, ускорял «производство бумаг», но немилосердно трафаретизировал их. Разработка обязательных формуляров разновидностей документации, предпринятая Кочубеем, должна была обеспечить еще одно важное качество — наличие признаков, «по коим бы можно по первому взгляду определить принадлежность... не только к своему отделению, но и к своему столу и к самому делу». Если в столбцовом делопроизводстве эту функцию выполняли клей и скрепа на обороте, то при том разделении «письмоводческого» труда, которое утверждалось предпринятой реформой, единственным ориентиром для быстрого поиска нужного документа был его «паспорт», «клеймо». Вполне естественно, что формальные внешние признаки документа играли все большую роль.

Изложенные общие принципы делопроизводства Кочубей считал обязательными не только для министерского уровня, но и для всех инстанций государственного управления. И здесь его ждало разочарование, которое он не смог скрыть в своем «Кратком отчете по Министерству внутренних дел с начала учреждения его по 25 ноября 1807 года»². Он констатирует абсолютную непригодность губернской администрации выполнять те функции, которые на нее возлагают новые обстоятельства, министерская система управления. А «переступая от губернского управления,— пишет Кочубей,— к уездному, недостатки и запутанности умножаются. Здесь благосостояние 40 т. или 50 т. душ, исполнение всех приговоров судебных мест, надзор за отправлением множества земских повинностей, сбор казенных и земских податей, починка мостов и дорог, поимка беглых, провожание колодников, сведения о количестве урожая, о состоянии магазейнов, о ценах хлеба, о прогоне скота, о всем, что есть хозяйственного в уезде... все сие возложено и поверено двум или трем безгласным заседателям и одному исправнику, избранным большею частью из людей ненадежных, служащих для куска хлеба или по принуждению. И сии три человека со вверенною им воинскою командою из небольшого числа дряхлых солдат состоящею есть то, что у нас называется земскою полициею»³. Кочубей очень резонно отвечает на распространенный вопрос «почему прежде все шло лучше?» Было лучше, утверждает Кочубей, по сравнению с воеводскими и провинциальными канцеляриями. Но в настоящее время, через 30 лет после губернской реформы «какие перемены произошли в образе мыслей, нравах и понятиях о вещах, какое расширение получили промышленность и капиталы... то, что при первом образовании казалось достаточным, сделалось теперь весьма неполным»⁴. Автор отчета, настаивая на необходимости укрепления губернского и уездного звена в государственном управлении, аргументирует это, как мы видим, очень трезво и в полном соответствии с коренными интересами господствующего класса, испугавшегося последствий буржуазной революции и победы капитализма на западной части Европейского континента. В связи с целью данного сообщения важно подчеркнуть, что последовательно проводимая в начале века мо-

² Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной е. и. в. канцелярии, вып. 1. СПб., 1876.

³ Там же, с. 183.

⁴ Там же, с. 184.

дернизация делопроизводства на различных уровнях государственного управления проходила неодинаково, а это в свою очередь должно быть учтено при источниковедческом анализе массовой документации. Сопротивление реальных обстоятельств намерениям реформатора привело к очень медленной эволюции. Вереница законодательных актов, ведомственных инструкций и распоряжений, изданных в первой половине века, свидетельствует об этой медлительности. Вместе с тем указанные нормативные материалы содержат важнейшие сведения по истории возникновения и развития многих разновидностей массовой документации. На мой взгляд, самой характерной чертой этого процесса была четкая специализация делопроизводства различных отраслей государственного управления (судебной, военной, ведомства управления духовных дел и т. д.), что в свою очередь порождало все новые и новые разновидности документации. Бросается в глаза и всемерное стремление к сокращению переписки, что вызывало стандартизацию ряда документов, создание бланков с целью их типографского размножения. Забегая вперед, заметим, что внедрение множительной техники и пишущих машин к концу века увеличило темпы формирования новых разновидностей массовой документации.

Достаточно сказать, что только за 1802—1823 гг. в соответствующих томах первого Собрания законов Российской империи мы насчитали более 35 законодательных актов по вопросам делопроизводства с приложением различных формуляров документов. Если же привлечь и нормативные материалы министерств, то их количество возрастет примерно в 5 раз.

Увеличение объема однородной документации нельзя объяснить только саморазвитием делопроизводственной системы. Само это развитие требует объяснений. Кочубей, как мы видели, понимал, что в этом процессе решающее значение имеют «перемены» времени. В переводе на марксистский язык это означает, что развитие и укрепление буржуазного уклада в жизни феодальной империи породило новые явления, новые отношения, новые интересы, которые должны были быть учтены господствующим классом для проведения своей классовой политики. Рождение капиталистического уклада втягивало в активную социальную деятельность более широкие круги общества, чем это было в эпоху классического феодализма, и эта деятельность также откладывала свою документацию.

Поток документации к 40-м годам XIX в. на губернаторском уровне достиг невероятных объемов. В год губернатор должен был подписывать до 100 тыс. документов или 270 «бумаг» ежедневно. Если предположить, что на каждый документ он тратил не более минуты, то одна только эта процедура в делопроизводстве занимала в день 4,5 часа⁵. Каков был ежегодный объем документации на уровне министерств, легко представить из ежегодных отчетов, которые охотно публиковали ведомственные издания в извлечениях, причем на количество «решенных дел» обращали особое внимание, как на свидетельство деловитости.

Когда Центральный статистический комитет в пореформенное время заинтересовался документацией министерств и управлений, то выяснилось, что только в центральных учреждениях ведутся 410 различных «статистических записей». Конкретный анализ этих «записей» показывает неточность терминологии, примененной для определения документов, содержащих сведения, поддающиеся статистической обработке. Статистик Е. Огородников, проводивший эту работу, не входил в источниковедческие тонкости (что, впрочем, делают и многие наши современники) и не различал статистическую заданность документа, т. е. собственно «статистическую запись» от всех иных видов документации, не несущих при-

⁵ Губернаторы. Историко-юридический очерк Ив. Блинова. СПб., 1905, с. 161.

знака такой заданности, но могущих быть привлеченными в качестве объекта первичного статистического наблюдения⁶. Нужно, однако, отдать должное Огородникову: характеризуя «материалы документальные» и «обыкновенное делопроизводство», откуда извлекаются данные, он пишет: «Этот род источников представляет достаточную достоверность и точность сведений, основанных на этих источниках, зависит только от правильного ведения записей, правильного из них извлечения цифр и повсеместного за тем наблюдения»⁷ в то время, когда собственно статистические материалы такого доверия у него не вызывают.

Таблица, составленная на основании сведений, приводимых Огородниковым, дает самое общее представление о разновидностях массовой документации, сформировавшихся за 60 лет деятельности министерств в XIX в.

Ведомство	Число разновидностей массовой документации	Ведомство	Число разновидностей массовой документации
Министерство внутренних дел	138	Министерство юстиции	14
Министерство финансов	82	Министерство уделов (двора)	7
Министерство государственных имуществ	64	Ведомство почт и телеграф	5
Святейший синод	38	Морское министерство	2
Военное министерство	34	Учреждение имп. Марии	3
Министерство путей сообщения	17	Другие ведомства	6

Если же попытаться выявить, какие стороны жизни общества получили наибольшее освещение в документах, то получим следующую картину: вопросы измерения и хозяйственного распределения земель получили постоянное освещение в 25 разновидностях документов (10 из этих разновидностей сформировались в делопроизводстве Министерства государственных имуществ); вопросы демографии, в том числе и экономического положения населения, — в 48 разновидностях документации (из них в Министерстве внутренних дел — 23, в Святейшем синоде — 11); вопросы народного «образования и нравственности» — в 78 (из них в Министерстве внутренних дел — 34, в Святейшем синоде — 21); вопросы, касающиеся промышленности «в разных ее видах», — в 104 документах (из них 50 в Министерстве финансов, а 28 — в Министерстве внутренних дел); «городское и сельское хозяйство» — в 32 документах (из них 22 в Министерстве внутренних дел).

Самой примечательной особенностью формуляров этих документов является их постоянное приближение к табличной форме, сокращение описательной части, которая доводится до устойчивых пяти-шести словесных формул с цифровым выражением. Законодательное стимулирование этой эволюции особенно интенсивно начиная с 40-х годов XIX в. Этот процесс формализации охватывает даже такие ведомства, которые по деятельности и характеру делопроизводства были наиболее консервативны. Так, например, если по указанию Святейшего синода в 1829 г. у настоятелей монастырей и церковных причтов должны были быть описания церквей православного вероисповедания по произвольной, неустановленной форме, то уже в 1837 и 1844 гг. циркуляры обер-прокурора Святейшего синода предлагали специальные формы — ведомости на отпечатанных бланках, куда вносились нужные сведения.

Это наблюдение требует, конечно, поправки на специфику интереса Е. Огородникова к таким документам, которые содержат цифровые данные. Но он вполне отчетливо пишет об обыкновенном делопроизводстве,

⁶ Общий обзор записей по ведомствам и главным управлениям империи. Сост. в Центральном статистическом комитете под ред. Огородникова. СПб., 1867.

⁷ Там же, с. V.

и перечень его видов не оставляет сомнения в том, что он различает статистическую форму и документ, такой формы не имеющий, но содержащий цифровые сведения. Так или иначе, но практика развития тех принципов делопроизводства, которые были провозглашены с образованием министерств, породила эти разновидности, а поскольку их создатели стремились к упрощению документов, стандартизируя их формулляр, то ясно, что в настоящее время в качестве источников они прежде всего должны стать объектом дипломатики.

Не забудем еще об одной важнейшей особенности характеризуемой документации. Выше указывалось, что выдвинутые в качестве постоянных клаузул части «представления» служили в качестве первично формализующих материал для обобщения. Поскольку «представление» обобщает все виды документов инициативного характера, идущего снизу, то во всей иерархии создавался аналогичный по форме документ, который на каждой ступеньке учрежденческой лестницы суммировал содержание предыдущих. Таким образом, знание формуляра и обстоятельств возникновения первичного документа, его «истории» столь же важно, как при анализе уникального источника, более того, оно здесь приобретает особое значение в источниковедческом анализе. При этом не все клаузулы документа, созданного в той или иной инстанции, могут быть оценены по одинаковым критериям. Закономерность представляется такой: чем ниже инстанция, тем важнее степень достоверности сведений двух первых информативных клаузул («изложение дела» и «причины») и тем ограниченнее значение оценочных клаузул («неудобства» и «заключение»).

Этот краткий, схематичный и неизбежно неточный очерк исторического развития делопроизводства в министерский период все же дает представление о естественной эволюции документов в сторону стандартизации. В этом же направлении развивалась форма частноправовой документации (договоров и сделок, завещания и т. п.).

Поэтому когда историк-источниковед в наши дни формализирует материал массового документа, то это вовсе не искусственное раздробление ткани документа, а как бы логическое завершение того процесса преобразования массовой документации, которое в свое время не завершилось. Столь же оправданно и естественно применение регест в археографии, которое представляется как один из приемов формализации. Каждая разновидность массовой документации поддается формализации. И это доказано на материале подворных описей, уставных грамот и выкупных актов, личных карточек рабочих и служащих, штрафных книг и т. д. В этих случаях формализация облегчается тем обстоятельством, что мы имеем дело с документом со строгим формуляром и с цифровым материалом. Но как быть с документами, в которых преобладает описательность, повествовательность? Именно в этом случае регесты, бывшие в свое время только одним из приемов публикации документов, могут послужить делу формализации материала для последующей его обработки при помощи количественных методов.

Формализацию таких массовых документов с преобладанием повествовательного материала еще в конце прошлого века предлагал В. И. Ленин.

Ленин, изучая материал второго выпуска «Обзора Ярославской губернии», посвященного отхожим промыслам крестьян по «отзываам» местных корреспондентов 166 волостей губернии, замечает: «Следовало бы попытать обработать материал сей книги, сгруппированный по волостям в таком сыром виде, что никакие выводы невозможны кроме того, что «есть отзывы». Но отзывы есть о чем угодно». Далее Ленин предлагает «по каждой волости (из 166 в губернии, о которых сведения даны) выбрать ответы на вопросы»⁸ и намечает 10 таких вопросов, которые могли бы, формализуя материал, его организовать в удобное для изучения состояние. Вопросы не требуют «численного» ответа, иначе говоря, они не пред-

⁸ Ленинский сборник. т. XXXIII, с. 512.

назначены для выборки цифровых данных, а имеют своей целью собрать, «сгустить» содержание, преодолеть описательную рыхлость первичного наблюдения «отзовов», чтобы затем дать качественную характеристику отхода по каждой волости и обеспечить сопоставимость этих характеристик. Приведем полностью список вопросов, предложенных В. И. Лениным:

- 1) Развивается ли уход на сторону или нет?
- 2) С которых пор начался?
- 3) На какие главным образом работы идут?
- 4) Есть ли улучшенные орудия? Увеличивается ли их число?
- 5) Есть ли травосеяние? Развивается ли? Отмечается ли, что на арендованных, купчих землях или у отдельных хозяев?
- 6) Есть ли паем пришлых рабочих? Часто или редко? Только от хожниками или и остающимися?
- 7) Есть ли сдача земли? Часто ли?
- 8) Почем сдают землю? а) за огороды? б) за весь оброк? с) за часть оброка?
- 9) Есть ли заброшенная земля? Увеличивается или уменьшается?
- 10) Когда рабочие приходят домой: летом или зимой? ⁹

Как видим, это «анкетирование» не имеет прямого выхода к статистической таблице. Прежде всего необходимо было выявить качественные параметры изучаемого явления, а это нельзя было сделать, навязывая источнику количественное измерение, ибо он не содержал конкретных и точных данных для такого измерения. Ответы на вопросы не должны были обязательно содержать цифровые данные. Каждый ответ, содержащий качественную характеристику, должен был на следующей стадии изучения источника уже служить материалом для количественной характеристики. Количество альтернативных ответов на первый вопрос, например, могло быть сопоставлено для выяснения соотношений и т. д. Перед нами классический пример перевода содержания массового источника, изложенного в повествовательной манере, на язык статистического источника при помощи формализации, причем формализующий вопросник — не искусственная схема, а прямо вытекает из точно очерченных возможностей источника. В свете ленинского приема формализации содержания массовых источников следует положительно оценивать получившее широкое распространение в современной археографии применение регест при публикации массовой документации.

Регесты — это форма сокращенной передачи текста или содержания документа, которую некоторые наши археографы применяют с целью введения в научный оборот как можно большего количества документов массового характера, публикация полного текста которых нерациональна, так как ведет к разбуханию публикаций. Так, например, «Хроника крестьянского движения» в серийной публикации «Крестьянское движение в России в XIX — начале XX в.», осуществленной под редакцией академика Н. М. Дружинина, представляет собой своеобразную регестную форму. Научную и практическую целесообразность регест доказали археографы во главе с одним из крупнейших — С. Н. Валком ¹⁰. Научные рекомендации применения регест и других форм сокращенной передачи текста содержатся в методическом пособии «Сокращенная передача содержания документальных источников». Внедрение в археографическую практику регест поможет введению в научный оборот документов, огромной массой оседающих в современном делопроизводстве.

Эти соображения дополняются еще одним доказательством целесообразности регест. Дело в том, что регесты в современных условиях являются важнейшим средством формализации материала для математической обработки этих массовых данных. Это совершенно новая сторона применения регест, которая не фигурировала в перечне доказательств их целесообразности.

⁹ Ленинский сборник, т. XXXIII, с. 512—513.

¹⁰ Валк С. Н. Регесты в их прошлом и настоящем.— АЕ за 1968 год. М., 1970.